чаи, обряды и праздники донских казаков XVII – XX вв. Батайск, 2002. С. 34 – 36, 49 – 50.

5. Сведения о казацких общинах на Дону: Материалы для обычного права / Сост. *М. Харузин*. М., 1885.

6. Сведения о казацких общинах на Дону: Материалы для обычного права / Сост. *М. Харузин*. М., 1885.

УДК 340.15:947

***Дзамихов К.Ф.***

# КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА И ЕЁ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ: «ЧЕРКЕССКИЙ ВЗГЛЯД»

*В статье раскрывается содержание основных историографических традиций, анализируются проблемы разработки обобщающих интерпретаций истории с опорой на внутриконцептуальные противоречия, присущие охранительно-монархический и либерально-демократической традициям. Подчеркиваются недостатки репрезентации «Кавказской войны» с позиции одного из исторических субъектов — России, с одной стороны, народов и обществ Северного Кавказа – с другой.*

*The article describes the content of the main historiographical traditions. It analyses the problems of formation of the general historical interpretation based on interconceptual contradictions, characteristic of protective-monarchical and liberal-democratic traditions. The weak points of the representation of «The Caucasian War» from the position of its historical participant – Russia, on the one hand and the native people and societies of the North Caucasus on the other hand are pinpointed.*

***Ключевые слова:*** *исторические традиции, охранительно-монархическая, либерально-демократическая традиции, методологический консерватизм, концептуальный застой, горская культура, Кавказская война.*

***Key words:*** *historical traditions, protective – monarchical, liberal – democratic traditions, methodological conservatism, conceptual stagnation, mountain culture, Caucasian war.*

## *1. Историографические традиции: итоги и перспективы*

Анализ и обобщение конкретно-исторического материала, историографических концепций и теоретико-методологических подходов по проблемам истории Кавказской войны показывает, что выработка целостной интерпретации ее природы и исторического места является трудной задачей. Это связано не только с многосторонним, комплексным характером самого явления, но и с множественностью и часто несовместимостью вариантов его осмысления в исторической науке и историческом сознании. Ряд глубоких работ обзорного и аналитического характера, выполненных ведущими специалистами в этой сфере, позволяет суммировать черты историографического процесса, существенные для решения рассматриваемых в настоящей статье задач [1]. Вместе с тем попытки предложить какую-либо «новую», «современную», «комплексную» трактовку Кавказской войны в отрыве от историографической традиции будут бесплодными.

Начиная с периода завоевания горских народов царской Россией формируются и устойчиво держатся разные историографические традиции – охранительно-монархическая и либерально-демократическая. Первая отображала имперскую позицию, в которой ключевыми понятиями были «колонизация», «умиротворение», «истребление», «владычество», «вытеснение» и т.д., в отношении которых считались оправданными воен-

ные методы завоевательной политики. В.В. Дегоев обращает внимание, на то, что русские дореволюционные авторы целиком оправдывали решительную политику Петербурга в продвижении России на юг исторической необходимостью, державными интересами и даже нравственными соображениями (цивилизаторская миссия, избавление христианских единоверцев от мусульманского ига и т.д.). Одно из характерных проявлений такого подхода – отрицание горской культуры как таковой, муссирование «дикости» местных племен, уклонение от изучения войны как цивилизационного конфликта. В качестве одного из главных аргументов проводилась мысль о провокационном поведении самих горцев, которые в силу своей «дикой» и «хищнической» натуры совершали грабительские набеги на русско-казачьи территории. России якобы ничего не оставалось, как отвечать тем же, почему и возникло перманентное состояние войны. Таким образом, для русских эта война принимала вид едва ли не оборонительной. Победа России в Кавказской войне преподносилась как однозначно благое дело: Россия получала очень важную в геостратегическом отношении территорию, а горцы – основы «гражданского быта» и возможность для приобщения к цивилизации и культуре [2, с.156].

Иной, но также глубоко идеологизированный подход характерен для представителей революционно-демократической мысли в России. Они рассматривали движение горцев в русле общероссийского освободительного процесса, включавшего, по их мнению, и «антиколониальные» силы. Для них критерий «прогрессивности» того или иного явления чаще всего сводился к способности расшатывать опоры русского царизма. Суждения и оценки теоретиков и вождей революционного социализма полностью соответствовали европейскому общественному мнению, которое в своей значительной части традиционно резко критически относилось к внешней и внутренней политике Российской империи.

Советские исследователи Кавказской войны вынуждены были придерживаться классово-партийного (идеологического) принципа. В ранг «фундаментальных», «теоретических» положений были возведены глубоко идеологизированные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса, В.И. Ленина и И.В. Сталина. Во многом на них строился вывод об «антиколониальном» характере движения горцев. На основе положений классиков марксизма-ленинизма был обоснован тезис о складывании в дооктябрьский период, в том числе в ходе Кавказской войны, классового союза между угнетенными трудящимися Северного Кавказа и России против классового союза между местными и русскими эксплуататорами, опиравшимися на «реакционный» царизм. Отсюда вытекала идея о единстве, сплоченности и дружбе народов в борьбе с самодержавием, крепостничеством, национальным притеснением, венцом которой явилась Великая Октябрьская революция 1917 года.

Многие исследователи, напрямую не имея возможностей противостояния существующему «идеологическому» диктату и навязываемым сверху концепциям, старались минимизировать наиболее абсурдные положения и на основе дальнейшего обогащения источниковой базы разрабатывали проблематику Кавказской войны. Образцом и вершиной такого подхода в отечественной историографии, на наш взгляд, является исследование Н.И. Покровского «Кавказские войны и имамат Шамиля», которое имело трудную судьбу и поздно стало историографическим фактом.

До начала 1980-х годов изучение Кавказской войны находилось в состоянии глубокого кризиса. За полвека исследований не появилось даже фактологической истории этой эпопеи, где в хронологической упорядоченности были бы представлены наиболее важные военные события, наиболее влиятельные фигуры и т. д. Сказались прежде всего идеологические ограничения.

Другая линия историографических дискуссий о природе и историческом месте Кавказской войны с конца 1980-х гг. и до недавнего времени задавалась работами М.М. Блиева, предпринявшего масштабную попытку построения целостной концепции этого явления [3]. М.М. Блиев исходил из того, что привязка исследований к вопросу о колониальном характере политики России и освободительном характере движения горцев является препятствием к новым подходам изучения Кавказской войны. Сам же он смещает фокус исследования на закономерности внутреннего развития горских обществ и связь с ними собственно военных событий в регионе. При этом также существенно расширяются и хронологические рамки изучаемого явления: XVIII – первая половина XIX в. [4, с. 795]. Критики толковали его подход как концепцию о горском экспансионизм-

ме, «изначальной виновности» народов Дагестана, Чечни и Черкесии в возникновении Кавказской войны. Речь идет об оценке характера общественных систем жителей Чечни и горного Дагестана, а также адыгов Северо-Западного Кавказа как архаичных, соответствующих эпохе военной демократии и зарождения раннефеодальных отношений. Органичным элементом хозяйственной жизни горцев, по мнению Блиева, являлись набеги на соседей, превратившиеся в отрасль материального производства и в один из важных факторов общественного развития, формирования военно-политической элиты, имущественного и социального неравенства. С приближением с севера границы российских владений энергия набегов постепенно переключается с ближайших соседей на казачьи станицы и русские поселения по укрепленным линиям. Систематические действия России по пресечению набеговой практики превратили ее в главного противника горских обществ. В отзывах специалистов на работы М.М. Блиева указывалось, что неправомерно отрицать роль наездничества и набегов в развертывании Кавказской войны, но нельзя также отводить им ведущую роль ни в экономическом аспекте, ни в комплексе причин Кавказской войны. Отмечалось, что многие военные события периода Кавказской войны не поддаются объяснению в рамках причинно-следственной связи: отсталая экономика – набеги – ответные действия России.

Однако наибольший эффект на постсоветскую историографическую ситуацию оказал не методологический консерватизм (фактор внутринаучный по своей природе), а болезненная актуализация проблем истории Северного Кавказа в условиях государственного распада. Взрывообразный всплеск национального самосознания народов, рост конфессиональных антагонизмов, возникновение межэтнических конфликтов вызвали колоссальный интерес к использованию исторических аналогий в политико-спекулятивных целях. Объектом жесточайшей критики на исходе советской эпохи и в постсоветское время стала концепция М.М. Блиева. В целом, наблюдается рост «национально окрашенных» подходов к изучению истории Кавказской войны, возрождение ненаучных методов, перевод научной полемики в морально-этическое русло с последующим неконструктивным «поиском виноватого». Одним из факторов концептуального застоя в изучении Кавказской войны являлось то, что сторонники различных подходов фактически не вели друг с другом собственно научного диалога и не учитывали в собственных работах результатов, полученных их оппонентами.

Таким образом, деформации в разработке истории включения Кавказа в состав Российской империи под воздействием идеологического пресса стали причиной того, что едва ли не все вопросы, связанные с этим процессом, являются на сегодняшний день дискуссионными. Основной спорный пункт для серьезных исследователей можно обозначить следующим образом: что лежит в основе такого масштабного конфликта – продвижение России на Кавказ или реалии самого этого региона (военная активность горцев)?

Означает ли это, что итогом развития основных историографических традиций изучения Кавказской войны является концептуальный тупик, ничего не дающий для дальнейших научных поисков. Разумеется, нет.

Во-первых, никто не утверждает, что в рамках любой из этих традиций в принципе невозможно научно-рационалистическое осмысление истории, в том числе истории Кавказской войны. Скорее, речь может идти о неизбежной склонности представителей разных направлений к преимущественному вниманию и акцентировке тех или иных сторон этого масштабного и сложного явления. Очевидно, что проблематика Кавказской войны может исследоваться и как часть истории международных отношений (геополитики) Каспийско-Черноморского бассейна, и как часть имперской истории России, и как часть социально-политической истории народов региона, и как часть истории войн и военного искусства.

Во-вторых, с точки зрения обобщающих интерпретаций весьма плодотворным может оказаться как раз опора на познавательный потенциал внутренних концептуальных противоречий, присущих указанным историографическим традициям.

Так, для имперской традиции характерно разведение геополитического обоснования продвижения России на Юг и объяснения причин «кавказско-горской» войны. Но с точки зрения геополитических интересов и целей установления прочного контроля над территорией нет принципиальной разницы между войнами с геополитическими противниками (Турцией и Ираном) или военным усмирением непокорного населения этой территории. С другой

стороны, возлагая ответственность за военные действия на горцев с их «варварством» и «хищничеством», данная историографическая традиция как бы допускает правомерность полицейского наказания целых народов за ту культурно-историческую ситуацию, в которой они находятся и которая не является предметом свободного выбора для самих этих народов.

Но при любых подходах к построению общей концепции истории Кавказской войны необходимо учитывать связь военных действий с геополитическими истоками и целями конфликта, рассматривать военно-силовую составляющую или фазу российско-горских взаимоотношений в широком историческом контексте включения (вхождения) народов региона в состав российского государства, различать субъективные, осознаваемые участниками цели и смысл борьбы и ее объективное историческое значение. Наконец, в хаотическом состоянии современной историографии, соединяющем остро конфликтные интерпретации и крайне неравнозначные по научному уровню публикации, можно обнаружить одну фундаментальную коллизию. Она заключается в том, что репрезентация «Кавказской войны» осуществляется с позиций одного из двух исторических субъектов – России, с одной стороны, народов и обществ Северного Кавказа – с другой. Только на первый взгляд здесь имеет место простая идентификация сторон конфликта, как это было на всех этапах развития историографии. Традиционные трактовки в этом вопросе сохраняются и в настоящее время. Новизна выражается в двух моментах. Во-первых, в рамках текущей историографической ситуации Россия и «Северный Кавказ» выступают в качестве сугубо самостоятельных, взаимно нередуцируемых полюсов исторического процесса. Во-вторых, налицо тенденция представлять их в качестве целостных и равноценных в цивилизационном смысле культурно-исторических единиц.

Многообразие концептуальных подходов и острая дискуссионность проблематики Кавказской войны объясняется тем, что она представляла собой сложный, многомерный исторический феномен. Его целостная интерпретация в какой-либо отдельной плоскости – истории международных отношений, геополитики, социальной истории народов Северного Кавказа, политической истории России и т.д. и т.п. – невозможна. Значение Кавказской войны для нас, для настоящего и будущего России и народов Северного Кавказа можно определить, только рассматривая ее на фоне всего длительного исторического цикла российско-кавказских отношений от их истоков до сегодняшнего дня. В этом случае обнаруживается, что различные подходы к осмыслению Кавказской войны не столько опровергают, сколько дополняют друг друга.

Таким образом, осмысление особенностей современного состояния исторической науки позволяет говорить, что в условиях национально-культурной трансформации российского сообщества четко обозначились проявления этнонационального сознания в исторических исследованиях, которые привели к ощутимому усилению этноцентризма как исследовательского подхода.

С одной стороны, в официальной идеологии и историографии национальное русское и имперское четко объединяются в единое целое, которое при проведении государственнической линии стремится к воссозданию позитивного образа самодержавия. Опора на великорусскую державную идею приводит к тому, что российская история раскрывается как преимущественно история русского национального государства. С другой стороны, на протяжении последних десятилетий характерной чертой региональной, например северокавказской, историографии при освещении острых тем (завоевание, подчинение, включение народов в состав Российской империи, народно-освободительные движения, особенности проведения национальной политики в новейшее время) выступает исследовательский подход, который сочувственно интерпретирует ключевые моменты своей этнической национальной истории. В данном случае северокавказские историки, как и историки научных центров, являясь, по сути, носителями этнокультурных социокодов формируют и реализуют идею «своей истории».

Объективная картина текущей историографической ситуации позволяет в определенных случаях ставить вопрос о противостоянии позиций региональных национальных историков и историков российского центра. Историография Кавказской войны выступает наглядным примером острой культурно-политической борьбы, содержащей непримиримые точки зрения, приводящие к конструкции оппозиции «свое/чужое».

***2. О трактовках понятия***

«Расширительная» трактовка Кавказской войны в последние годы присутствует не только в националистическом политическом дискурсе (тезис о 400-летней войны России на Кавказе), но и в рамках академической науки. Представители местного сообщества профессиональных историков, рассматривая предмет сквозь призму военных действий России в регионе, расширяют хронологические рамки Кавказской войны, по сравнению с устоявшейся традицией, к началу XVIII в.

При этом неизбежно возникают проблемы с ее целостным представлением. Т.Х. Кумыков указывал, что в рескрипте императора Александра II, обнародованном 27 июля 1864 г., говорится о завершении дела, начатого «полтора века тому назад», но одновременно подчеркивал, что нет Кавказской войны как таковой, а есть «Кавказские войны» – русско-дагестанская в первой четверти XVIII в., русско-кабардинская 1763 – 1825 гг., русско-чечено-дагестанская 1829 – 1859 и др. Известный дагестанский историк В.Г. Гаджиев, для которого также не подлежит сомнению, что «все без исключения народы Северного Кавказа» в разное время «боролись за свою свободу и независимость», был против того, чтобы «все военные столкновения с Россией, когда бы они не происходили», включать в понятие Кавказской войны. Это «не лучшее изобретение кавказоведов» он предлагал сдать в архив научных заблуждений. А каждое событие, включаемое в это понятие, как это и положено в науке, обозначить отдельным названием, отвечающим сути данного явления [5, с. 30 – 32, 6].

Группа московских исследователей, руководствуясь собственно академическим подходом, подчеркивала, что в российско-северокавказских отношениях война, «т.е. организованные боевые действия армий враждующих сторон», имела место только в 1810 – 1860-х и в 1990-х гг. [6, с. 131].

Развернутый анализ проблемы определения хронологических рамок Кавказской войны и обоснование собственного ее решения осуществил В.В. Лапин [7, с. 12 – 15]. Ограничение Кавказской войны традиционными хронологическими границами (1817 – 1864), с его точки зрения, – продукт развития отечественной историографии, посвященной присоединению Кавказа и Закавказья к России, находившейся в рамках формационного учения и «антифеодально-антиколониальной» парадигмы, результат стремления поместить исторические реалии в границы концепции добровольного вхождения народов в состав России. Между тем традиционные временные рамки Кавказской войны (1817 – 1864 гг.) и отождествление этого конфликта только с боевыми действиями в Адыгее, Чечне и Дагестане не дают внятного ответа на целый ряд вопросов.

Прежде всего «дискретность» и разнородность собственно военных эпизодов компенсируется континуитетом геополитических факторов, интересов и целей. Так или иначе, это обстоятельство прочитывается в высказываниях самих творцов российской политики эпохи Кавказской войны. В рескрипте на имя Главнокомандующего Кавказской армией по случаю окончания Кавказской войны Александр II дал весьма полное изложение официальной трактовки ее характера как многолетней кровавой борьбы, поднятой «для ограждения наших владений, сопредельных с кавказским краем, от набегов хищников, для защиты от порабощения мусульманами единоверных нам народов, добровольно вручивших свои судьбы под покровительство России, и для умиротворения края, представлявшего издревле постоянное зрелище междоусобий, грабежей и разбоев». Но при этом он отмечал, что завершено дело покорения Западного Кавказа, «начатое полтора века тому назад», т.е. тогда, когда отсутствовали указанные им же основания «поднять многолетнюю кровавую борьбу» [8, с. 310 – 311].

Трактовка Кавказской войны в рамках протяженного по времени геополитического тренда имеет глубокие научные корни. В дореволюционной историографии существовала устойчивая традиция рассматривать боевые действия на Северном Кавказе как нечто единое вместе с войнами против Турции и Персии. Энциклопедии XIX – начала XX вв. использовали выражение «Кавказские войны» для обозначения всего процесса присоединения к России территории от Кубани и Терека до нынешних турецких и иранских рубежей. При этом особо выделялась «Кавказско-горская война», но и она представляла собой более широкое понятие, нежели покорение Чечни, Дагестана и Адыгеи.

Советская историческая наука сначала сохраняла приверженность широкой трактовке понятия «Кавказские войны» от второй половины XVI до середины XIX вв. В «Советской исторической энциклопедии» Кавказскими войнами названы боевые действия XVIII – XIX вв., «...связанные с за-

воеванием Кавказа русским царизмом», а также «... подавление царизмом ряда антифеодальных движений кавказских народов, вооруженное вмешательство России в феодальные междоусобицы на Кавказе, войны России с претендовавшими на Кавказ Ираном и Турцией». При этом была особо выделена «собственно Кавказская война» 1817 – 1864 гг. Самой яркой особенностью понятия «Кавказская война» является то, что по всем основным его аспектам сталкиваются различные и зачастую противоположные подходы, это касается и причин войны, и хронологии, и характера, и оценки последствий.

***3. Черкесская историческая мысль***

Черкесская (адыгская) историография проблемы стала формироваться с XIX в. как часть истории взаимоотношений адыгских народов с Россией. Центральное место в работах адыгских историков (И. Атажукина, Ш. Ногмова, Хан-Гирея, В. Кудашева и др.) отведено истории политических взаимоотношений различных адыгских княжений с Россией в XVI – XIX вв. Они отмечают важность политической ориентации адыгов в середине XVI в. на Москву, являвшейся следствием крымско-османской агрессии; подчеркивают общую заинтересованность двух народов в борьбе с внешними врагами. Затрагивая события Кавказской войны, они обосновывают предпочтительность мира и сотрудничества завоевательной политике царизма. Во второй половине XIX в. – первой четверти XX в. после трагических последствий Кавказской войны перед необходимостью этнополитического самоопределения в той или иной форме оказались все группы черкесского населения на территориях бывшей Российской и бывшей Османской империй. Возможности выработки единой общечеркесской программы решения своего национального «черкесского» вопроса были весьма ограничены. Обнаруживаются расхождения в историческом опыте обеих групп черкесов. Кавказская война и мухаджирство становятся системообразующим фактором «черкесского» вопроса и ключевым моментом этнической исторической памяти. А.Х. Боров, анализируя эти процессы, обращает внимание на следующие моменты. Для черкесов диаспоры реальные отношения и взаимодействие с российским обществом и государством прекратились с момента изгнания, их отношение к России главным образом формировалось, собственно, этим событием. Для черкесов, оставшихся на Северном Кавказе, взаимодействие (социально-правовое, экономическое и культурное) с российским обществом и государством продолжалось и после завоевания. И их отношение к ключевому моменту черкесской истории формировалось не только исторической памятью, но и ближайшим этносоциальным опытом и поиском будущего [9, с. 21].

Представители черкесских интеллектуальных элитных слоёв диаспоры делают различные попытки перевода «черкесского вопроса» в практическую политическую плоскость и ставят вопрос об исторической, морально-нравственной и правовой оценке Кавказской войны. Ярким образцом такого примера служит выступление вице ─ президента «Лиги нерусских народов России» и руководителя черкесской делегации из Турции Исмаила Беданоко на третьей конференции «Союза национальностей», состоявшейся в Лозанне 27 – 29 июня 1916 г. И. Беданок подчеркивал, что присоединение Кавказа к России есть результат завоевания, не имеющего «ни одного легального и логического довода», способного его оправдать… что методы ведения войны были чрезвычайно жестокими и сопровождались уничтожением сёл, разграблением имущества, убийством женщин и детей, истреблением и массовой гибелью населения от голода и холода; что период между 1858 и 1864 гг. был временем наибольших жестокостей,… когда Россия вышвырнула за пределы их собственной родины 750 тысяч жителей Западной Черкесии. И Беданок понятным образом не употребляет термин «геноцид». Но он говорит: «Современный язык, вследствие присущего ему эвфемизма, называет эту болезнь словом «империализм». Таким образом, войны, которые вели…против мирной страны под названием Кавказ представляют собой преступление против человечества (выделено мной. – Д.К.), которые каждый истинно цивилизованный человек должен всемерно осуждать»[10]. Складывающаяся в дальнейшем черкесская зарубежная историография (П. Коцев, Р. Трахо, И. Беркок, К.Натхо, И. Айдемир, Н. Бэрзэдж, С.Бэрзэдж и др.) исследует Кавказскую войну как колониальную, сопровождавшуюся истреблением и изгнанием черкесского населения за пределы своей исторической родины.

Отечественная черкесская историография (адыговедение) 1920 – конца 1980-х гг. развивалась в общем русле развития советской исторической науки со всеми присущими ей идеологическими и ме-

тодологическими издержками. Определенным исключением являлась монография Г.А. Дзидзария, в которой автор впервые на широкой документальной основе дал основные этапы переселенческого движения (мухаджирства) на черкесском (абхазо-адыгском) материале [11].

Необходимо отметить определенные закономерности, присущие черкесской историографии и «черкесскому» взгляду на ключевой момент своей национальной истории: 1) «черкесский» взгляд имеет историческую глубину, он эволюционировал на протяжении длительного времени, периодически актуализируясь в определенных конкретно-исторических ситуациях и влияя на общественное сознание глобального черкесского сообщества, 2) наблюдается тесное взаимовлияние результатов исторической науки и общественного сознания, т.е., говоря словами Д.И. Олейникова, «исторические традиции формируют политическую культуру, а политические устремления создают определенный заказ на создание «исторических традиций» [12, с. 69].

Наиболее выраженной чертой историографического процесса на рубеже 1980 – 1990-х гг. была резкая актуализация проблематики путей и форм вхождения народов Северного Кавказа в состав Российского государства. Общий сдвиг в историографической ситуации определялся соединением двух тенденций. Во-первых, переходом инициативы в определении общественной и научной актуальности тех или иных тем к местным интеллектуальным кругам, тесной увязкой постановки научных проблем с национальным вопросом, восстановлением исторической памяти, возрождением национально-культурных традиций. Во-вторых, установкой на замещение идеологемы «добровольного вхождения» народов Северного Кавказа в состав России идеологемой завоевания и колониального порабощения.

Материалы многочисленных конференций (июнь 1989, апрель 1990, октябрь 1990, май 1994), принятые ими рекомендации, получили широкий общественный резонанс. Представительными органами власти Кабардино-Балкарской и Адыгейской республик были приняты в 1990-х гг. соответствующие законодательные акты о характере Кавказской войны.

С 1980-х гг. черкесскими историками введен в научный оборот значительный корпус документальных источников [13], который или по незнанию или специально игнорируется многими авторами, претендующими на свое видение проблем Кавказской войны. Успешно разрабатываются социально-экономические, внешнеполитические, политико-правовые, переселенческие и другие аспекты Кавказской войны на материалах черкесской истории [14]. С советских времен в российской историографии сложился и усиленно поддерживается миф, что главным и чуть ли не единственным вождём северокавказских горцев был имам Шамиль и основным фронтом Кавказской войны являлся Восточный Кавказ. О характере, длительности и последствиях войны на Северо-Западном и Центральном Кавказе официальная историография чаще стремится умалчивать или давать её усеченно и выборочно. Черкесская историография (приведенные сборники документов и монографические исследования), а также такое важнейшее обобщающее издание, как Адыгская (Черкесская) энциклопедия (М., 2006) считают, что с последней трети XVIII века Российская империя приступила к прямому военно-колонизационному покорению Кавказа и первой жертвой этой политики стали адыги. Черкесский этнос оказался перед необходимостью выбора, и он выбрал путь сопротивления, путь отстаивания своей независимости. Это была борьба, направленная не на достижение внешних целей, а на защиту суверенности своего жизнеустройства, верховенства на своей земле своего традиционного социально-политического порядка, иными словами, это была борьба за национальное самосохранение. За трагедией поражения черкесов последовала и другая – их массовая депортация в пределы Османской империи.

Ф.А. Озова в своих последних работах наглядно демонстрирует, что действия русского военного командования на Северо-Западном Кавказе являлись грубым нарушением международного и русского военного права того времени в части запрета на уничтожение мирного населения и системы его жизнеобеспечения; отказе от коллективной ответственности за деяния отдельных лиц; неприкосновенности религии, обычаев, образа жизни, земель завоеванных народов; запрете на депортацию автохтонного населения и т.д. [15]. Широко известные специалистам планы генералов Д.А. Милютина и Н.И. Евдокимова, разработанные под руководством главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом А.И. Барятинского ставили задачу: строя новые линии казачьих по-

селений, «стеснять постоянно горские племена до полной невозможности жить в горах», «совершенно вытеснить… из страны». А.И. Барятинский считал, что депортации подлежали прежде всего черкесы Западного Кавказа, занимавшие прекрасные причерноморские земли и оказывавшие отчаянное сопротивление Кавказской армии. Он писал: «Единственным средством прочного утверждения нашего в Закубанском крае признано водворение казаков на передовых линиях… государственная необходимость требует отнятия у них (т.е. черкесов. – Д.К.) земель». Говоря о планах военного командования, Барятинский подчеркивал: «Сознавая, что преждевременное обнаружение подобного намерения было бы опасно, должно тщательно скрывать эту мысль правительства от горцев, пока не наступит пора для исполнения ея» [16]. В марте 1857 г. рассмотрение вопроса о дальнейшей стратегии войны на Северо-Западном Кавказе было возложено императором на Особый комитет, представивший свое заключение в 1858 г. Комитет негативно оценил планы Главнокомандующего Кавказской армией по депортации черкесов с Кавказа. Планы Барятинского и Милютина по депортации черкесов были оценены комитетом следующим образом: «это повело бы не к покорности, а к их истреблению» [17]. Бывший начальник Штаба Отдельного Кавказского корпуса, член Особого комитета генерал-адъютант Коцебу, соглашаясь с необходимостью усиления русского казачьего населения на Кавказе, считал, что план Милютина приведет «не к завоеванию Кавказа, а к ожесточеннейшей, чем когда-либо, борьбе, которая прекратилась бы разве только с обращением Кавказа в пустыню». Наказной атаман Войска Донского генерал-адъютант М.Г. Хомутов назвал предполагаемое выселение на Дон черкесов, а казаков за Кубань тяжелою и несправедливою мерою, «и особенно в отношении черкесов жестокою и бесчеловечною» [18]. В конечном итоге, несмотря на противостояние высшее руководство империи выбрало и реализовало именно план насильственной депортации черкесов со своей исторической родины в пределы другого государства. Именно эти действия, осуществленные в 1858-1864 гг. не оставили черкесам никакого выбора. Они обусловили трагедию переселения с её многотысячными жертвами. Эти действия характеризуются в черкесской историографии и в программных документах международных черкесских организаций как преступление против человечества.

В рассматриваемых событиях активно задействован фактор исторической памяти. И Кавказская война стала одним из наиболее «цитируемых» явлений прошлого. Это неудивительно. Память о ней несет в себе большое политическое и эмоциональное напряжение. Трудно оставаться беспристрастным адыгской общественности, когда в результате массового истребления и насильственного изгнания за пределы исторической родины на Северо-Западном Кавказе сохранилось не более 5% адыгского населения. Однако представители черкесской исторической мысли не ставят сегодня под сомнение исторические результаты Кавказской войны. Главная проблема заключается в объективной научной трактовке причин, хода и трагических последствий войны для черкесского этноса.

В черкесской историографии, в отличие от официальной российской, превалирует точка зрения, что у Российской империи на завершающем этапе Кавказской войны была альтернатива: а) завоеванное население Черкесии остаётся жить на своей исконно этнической территории и постепенно интегрируется и становится укорененной частью империи (английская модель в Индии); б) оставшееся в живых завоеванное население Черкесии целенаправленно выдавливается к черноморскому побережью и подвергается бесчеловечной депортации. Империя избрала последний вариант. Была ли альтернатива у потерпевших поражение в освободительной войне черкесов? Официальные документы, исходящие от имперского руководства, говорят о том, что военно-политические цели (стратегия) и методы ведения боевых действий на Западном Кавказе (в отличие от Восточного) не предполагали со стороны России ни политико-дипломатического урегулирования, ни фактического перемещения завоёванного населения на равнинные территории исторической Черкесии под юрисдикцию российской империи. И если кто-либо хочет усмотреть в насильственном массовом изгнании черкесов на чужбину в конце кровопролитной завоевательной войны какой-то элемент их собственного выбора, то он увидит только выбор отчаянной и трагической борьбы за национальное самосохранение.

***4. «Свое» и «чужое» прошлое***

Осмысление особенностей современного состояния исторической науки позволяет говорить, что в условиях национально-культурной трансформации российского сообщества четко обозначились проявления этнонационального сознания в исторических исследованиях, которые привели к ощутимому усилению этноцентризма как исследовательского подхода.

С одной стороны, в официальной идеологии и историографии национальное русское и имперское четко объединяются в единое целое, которое при проведении государственнической линии стремится к воссозданию позитивного образа самодержавия. Опора на великорусскую державную идею приводит к тому, что российская история раскрывается как преимущественно история русского национального государства. С другой стороны, на протяжении последних десятилетий характерной чертой региональной, например северокавказской, историографии при освещении острых тем (завоевание, подчинение, включение народов в состав Российской империи, народно-освободительные движения, особенности проведения национальной политики в новейшее время) выступает исследовательский подход, который сочувственно интерпретирует ключевые моменты своей этнической национальной истории. В данном случае северокавказские историки, как и историки научных центров, являясь, по сути, носителями этнокультурных социокодов, формируют и реализуют идею «своей истории».

Объективная картина текущей историографической ситуации позволяет в определенных случаях ставить вопрос о противостоянии позиций региональных национальных историков и историков российского центра. Историография Кавказской войны выступает наглядным примером острой культурно-политической борьбы, содержащей непримиримые точки зрения, приводящие к конструкции оппозиции «свое/чужое».

***Литература***

1. *Дегоев В.В.* Проблема Кавказской войны XIX века: историографические итоги // *Дегоев В.В*. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001; *Дегоев В.В*. Об альтернативных подходах к изучению Кавказской войны XIX века // *Дегоев В.В*. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001; *Олейников Д.И*. Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001; *Лапин В.В*. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. СПб., 2003; *Лапин В.В*. Новейшая историография Кавказской войны // Отечественная история. 2008. № 5.

2. *Дегоев В.В*. Кавказская война: альтернативные подходы к её изучению. // Вопросы истории. 1999. № 6.

3. *Блиев М.М*. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. №3; *Блиев М.М*., *Дегоев В.В*. Кавказская война. М, 1994; *Блиев М.М*. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.

4. *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.

5. Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов Международной научной конференции. Махачкала, 1998.

6. *Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И., Котов В.И., Некрасов А.М., Трепавлов В.В*. Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? // Отечественная история. 1998. № 5.

7. Лапин В.В. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. СПб., 2003.

8. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70 - е годы XIX века): Сборник архивных документов / Выявление материалов, археографическая обработка, вступительная статья, редакция и комментарии заслуженного деятеля науки Российской Федерации профессора *Т.Х. Кумыкова*. Нальчик, 2001.

9. *Боров А.Х*. «Черкесский вопрос» как историко-политический феномен. Научные доклады Центра социально-политических исследований КБНЦ РАН №1. Нальчик, 2012.

10. Российский геноцид народов Северного Кавказа в документах кавказского национально-освободительного движения в годы Первой мировой войны (1914-1918). URL: http: // kavkasia, net/Russia/article/286946125. php (дата обращения 10.06.2011).

11. *Дзидзария Г.А*. Махаджирство и проблемы истории Абхазии в XIX в. 2-е изд. Сухуми, 1983.

12. *Олейников Д.И.* Россия в Кавказской войне: поиски понимания//Россия и Кавказ. Сквозь два столетия. СПб., 2001.

13. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790 – 1917). Издательство Ростовского университета, 1985; Из истории русско-кавказской войны (документы и ма-

териалы). Нальчик, 1991; *Х.М. Думанов* Вдали от Родины. Архивные материалы. Нальчик, 1994; Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. 1763 – 1774 гг. Т. 1. Нальчик, 1996; Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. 1775 – 1780 гг. Т.2. Нальчик, 1998; Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX века: Сборник документов и материалов. Нальчик, 2000; Из документальной истории кабардино-русских отношений. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. Нальчик, 2000; Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20 – 70-е гг. XIX в.: Сборник архивных документов. Нальчик, 2001; Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848 – 1874). Ч.2. Нальчик, 2003; Торгово-экономические связи России и Северного Кавказа в период Кавказской войны (40 – 50-е гг. XIX в.): Сборник архивных документов. Нальчик, 2005; Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005; История адыгов в документах Османского государственного архива. Вып.1 Нальчик, 2009; Бесленей – мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья. XIII – XIX вв.: Сборник документов и материалов. Майкоп, 2009; Документы по истории адыгов 20 – 50-х годов XIX в. (по материалам ЦГА КБР). Нальчик, 2011; Российско-северокавказские отношения в XVIII веке: Сборник документов. Т.1. Нальчик, 2011; Материалы по истории западных черкесов. Архивные документы, 1793 – 1914 гг. Нальчик, 2012.

14. *Джимов Б.М.* Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. Майкоп, 1986; *Касумов А.Х.* Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международные отношения XIX века. Издательство Ростовского университета,1989; *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. Нальчик, 1992; *Бижев А.Х.* Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х начале 30-х г.г. XIX века. Майкоп,1994; *Мальбахов Б.К.* Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722 – 1825). Нальчик,1998; *Кудаева С.Г.* «Огнём и железом». Майкоп,1998; *Чирг А.Ю.* Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002; *Дзамихов К.Ф.* Адыги: борьба и изгнание. Нальчик, 2005; *Бижев А.Х.* Социально-экономический строй народов Центрального и Северо-Западного Кавказа в годы Кавказской войны (по материалам российской разведки). Майкоп, 2005; *Маремкулов А.Н.* Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII – XIX вв.: историко-правовой аспект. Ростов-на-Дону, 2005; *Панеш А.Д.* Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829 – 1864 гг.). Майкоп, 2006; *Чеучева А.К.* Северо-Западный Кавказ в политике Великобритании и Османской империи в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX вв. Майкоп, 2007; *Кудаева С.Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Нальчик,2007; *Панеш А.Д.* Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имаматом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). Майкоп, 2007; *Шеуджен Э.А.* Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. Москва-Майкоп, 2010; *Бэрзэдж У.Н.* Изгнание черкесов. Причины и последствия. Нальчик, 2012; *Чирг А.Ю.* Мухаммед Амин на Северо-Западном Кавказе. Майкоп, 2013; *Озова Ф.А.* Очерки политической истории Черкесии. Пятигорск-Черкесск, 2013.

15. *Озова Ф.А.* Очерки политической истории Черкесии… С. 224 – 285; *Озова Ф.А.* План генерала Евдокимова в свете военного права XIX века. // Вестник Института гуманитарных исследований правительства КБР КБНЦ РАН. Вып.18 Нальчик, 2011. С. 20.

16. Там же, С. 23.

17. Там же, С. 24.

18. Там же, С. 24 – 25.